

Опасные
удовольствия

ОКСАНА ОБУХОВА

КАПКАН КС ИЗ СЕРЕБРА С ЭМАЛЬЮ

Опасные удовольствия

Оксана Обухова

Капкан из серебра с эмалью

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Обухова О. Н.

Капкан из серебра с эмалью / О. Н. Обухова —
«Центрполиграф», 2020 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-09226-7

Прибранная квартира, роскошный букет на столе, тонкий аромат духов «Митсуко»... и труп задушенной молодой женщины в ванной. Так обставлял сцены убийства серийный маньяк, прозванный правоохранителями Фермером: в букете оранжерейных цветов непременно присутствовали колосья злаков и трогательные полевые васильки. Было еще нечто общее во всех преступлениях. Все убитые женщины при жизни работали в ведомствах, предписывающих ношение форменной одежды. Когда во всех делах обнаружили сходство, их производство объединили и расследование поручили Станиславу Гущину, следователю, уже имевшему на счету успешное раскрытие серийного убийства... Новое преступление, в котором погибла его коллега, работница прокуратуры, отличалось от предыдущих. Но оно же дало ниточку, которая могла привести Стаса Гущина к убийце...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09226-7

© Обухова О. Н., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	31
-----------------------------------	----

Оксана Обухова

Капкан из серебра с эмалью

© Обухова О.Н., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

По просторному подъезду большого сталинского дома витал запах дорогих духов. Гуцин потянул ноздрями воздух и кивнул: все верно, в точку, на место происхождения его вызвали не зря. Стас не считал себя специалистом по всяческим женским премудростям, но этот легендарный аромат он узнавал из множества других: духи «Митсуко» обожала его матушка Маргарита Павловна. В детстве Гуцину даже казалось, что его школьная форма до последней нитки пропитана этим стойким горьковатым запахом. Однажды один из одноклассников нынешнего майора, помнится, съязвил: «Гуща, да от тебя разит, как от бабы!»

В связи с чем духи «Митсуко» Стас несколько возненавидел. И начал уклоняться от душистого маминого поцелуя перед отправкой в школу.

Сегодня же с «Митсуко» и вовсе получился перебор. Из раскрытой двери в квартиру потерпевшей не пахло, а разило. Сквозняк выдувал на лестничную площадку такой шлейф, словно на пороге квартиры разбили несколько флаконов.

И это было непонятно. Раньше суперосторожный убийца так себя не проявлял: аромат «Митсуко» в квартирах его жертв витал слегка-слегка, чуть начатый флакончик стоял на полочке или туалетном столике. Сейчас валялся на коврик в прихожей практически пустой.

Стас оттер плечом замершего у дверного косяка задумчивого лейтенанта. Похоже, участкового. Прошел по коридору до гостиной нехило упакованной двухкомнатной квартиры и уже там увидел лежащую на ковре молодую женщину в форме капитана юстиции. Мертвую. Серьезно избитую. На шее покойницы остались синие отметины, не оставлявшие сомнений, что молодую следачку после избиений задушили.

Гуцин трагически поморщился. Пару лет назад он сталкивался по служебной надобности с капитаном Зотовой – Ирочка показала ему зубастой карьеристкой, но тогда Стас сделал скидку хорошенькой брюнетке: красоткам нелегко работать среди честолобивых мужиков. Дашь слабину и навсегда останешься в разряде смазливых барышень, карабкающихся по карьерной лестнице через постели.

Майор аккуратно обошел широко разбросанные ноги Ирочки. Невольно вспомнил, как четко и победно эти ножки вышагивали по зданию суда...

Опять поморщился. Вид мертвой женщины, тем более столь молодой, красивой, и должен вызывать зубовой скрежет. А Ирочка была не просто женщиной, она была коллегой.

Стас перебрал взгляд на хмурых деловитых мужиков: криминалисты уже закончили работу и запаковывали чемоданчики с инструментарием и собранными уликами; незнакомый Стасу следователь вписывал очередную строку в протокол осмотра места происшествия, и работы ему здесь еще навалом – комната практически разгромлена. Повсюду валяются бумаги, фотографии и книги, сброшенные с полок. Пол засыпан осколками битого фарфора и хрусталя, еще недавно украшавшего элегантную витрину.

На весь этот разгром со стены глядит кривовато повисший фотопортрет хозяйки. Огромного формата, черно-белый, сделанный явно талантливым модным художником.

Под фотографией на тумбочке аквариум, и рыбки в нем, казалось, спуют испуганно, панически. На дне среди ракушек – разбухший велюровый шлепанец.

Гущин бросил взгляд в смежную спальню, – такой же бардак: на пушистом бежевом ковре ворох нижнего белья, одежда вместе с плечиками выброшена из платяного шкафа.

«Ограбление? – задумчиво спросил себя майор. Оглянулся на покойницу с множественными синяками на лице и подредактировал вопрос: – Убийство, обставленное под ограбление?» В нешуточных побоях усматривался личный подтекст: попавшийся на месте преступления вор или влетевший в квартиру грабитель бьет, а не избивает – методично, с наслаждением. Тут за версту несет пустившей глубокие корни неприязню.

Выброшенное на пол содержимое шкафов – всего лишь наспех оформленная декорация.

Гущин начал сомневаться: а по делу ли его, собственно, вызвали? Все прежние жертвы Фермера найдены в идеально убранных квартирах. Голые задушенные девушки лежали в заполненных ваннах – чистенькие и отмытые. Пока с Зотовой их объединял лишь запах довольно-таки редких духов и наличие форменной одежды, во всех прочих случаях спокойно дремавшей в платяных шкафах.

– Станислав Петрович, – услышал Гущин. Обернулся и увидел в дверном проеме гостиной криминального медика Татьяну Ильину. – Спасибо, что приехал.

Половину лица миниатюрной Тани закрывала марлевая маска, в руке эксперт держала стеклянную пробирку для сбора биологического материала. Стас, дабы выразить недоумение по поводу своего присутствия, слегка присобрал подбородок и оттопырил нижнюю губу. Татьяна верно расшифровала невысказанный вопрос и предложила:

– Иди за мной. Кое-что покажу.

Майор послушно двинулся за медэкспертом на кухню. Ильину он шибко уважал за профессионализм и въедливость. Именно она сегодня позвонила Гущину и сообщила: «Похоже, Станислав Петрович, твой Фермер опять нарисовался. Приезжай. Но слишком не торопись, жертва – следователь, на чп все высшее начальство съедется. Дождись, пока горячка слегка схлынет».

Гущин выждал два часа. В нетерпении подъехал. Запах духов ему показал, что вызов не был обоснованным. Но разгром в квартире и полностью одетая избитая жертва в гостиной говорили о противоположном.

Стас задумчиво прошагал по коридору, в просторной кухне порядка тоже не увидел. Шкафчики тут, правда, никто не опустошил, банки с мукой и крупами вниз не сбросил. Но битое стекло и здесь имелось: чья-то злобная рука грохнула о плиточный пол хрустальную вазу. Поверх ее осколков лежал растоптанный букет из разноцветных роз.

– Смотри сюда. – Татьяна присела на корточки возле растерзанных цветов и аккуратно приподняла увядший лепесток. – Вот, видишь?

Майор кивнул и опустился рядом с Ильиной. Под выгнутой чашей лепестка чайной розы лежала крохотная треугольная чешуйка. Синеватая, завядшая.

– Два похожих фрагмента эксперт Коля забрал. Он заметил лепестки и принес их мне в пакетике для улик. Сказал: «Глянь, кажется, это василек». Но самого цветка здесь не было. Догоняешь?

Гущин пригляделся к раздавленным цветам и заметил среди вороха роз длинный усик злакового колоса. Вроде бы там же лежали и ошметки раздавленного зернышка, но с этим пусть эксперты разбираются. Главное Стас для себя уяснил: здесь василек и злаковые. Это работа Фермера.

* * *

Конкретно василек четыре месяца назад позволил Гущину заподозрить в нескольких убийствах серию. В начале февраля майор выехал на место преступления в пятиэтажный панельный дом неподалеку от шумного столичного рынка. К этому времени в квартире уже работала следственная бригада, но, поскольку основная деятельность сосредоточилась в совмещенном санузле, где в ванне лежала обнаженная покойница, Стас не захотел там бестолково толкаться и отправился в гостиную.

Освещенная распластанной по потолку люстрой комната с минимумом мебели говорила о хорошем вкусе хозяйки. Стиль создавала цветовая гамма: на фоне жемчужно-серых стен ярким пятном выделялся алый диван с причудливыми подушечками, полосатые шторы подобраны им в тон. На длинной черной тумбе недешевый телевизор и ваза с вызывающе дорогим букетом.

Вначале тот букет внимания майора не привлек. Гущин замер в гостиной и старался понять, почему вдруг эта комната в стильной «молодежной» гамме показалась ему знакомой. Едва ли не своей, такой, как будто он бывал здесь прежде.

Эта странность немного озадачила майора. Но, пройдя во вторую комнату с широкой кроватью, он увидел на туалетном столике знакомый флакончик духов: ощущение дежавю, оказывается, подарил запах «Митсуко». В современной квартире сотрудницы пресс-центра МСЧ старшего лейтенанта Инны Норкиной витал старорежимный запах, отправивший тридцативосьмилетнего майора в глубокое голоное детство.

Стас нагнулся к столику, пригляделся к флакончику и отметил, что тот практически не начат. Духами стали пользоваться совсем недавно, но их запах уже, казалось, пропитал всю кубатуру. На тумбочке есть несколько пузырьков с новинками парфюмерного рынка, но продвинутая современная женщина пользовалась ароматом, можно сказать, своей прабабки.

Гущин вернулся в гостиную, остановился напротив вазы с цветами и тут уже почувствовал не дежавю, а зудяще острый приступ интуиции, известный каждому сыскарю: среди пышных разноцветных роз торчал одинокий василек, между махровых бутонов воткнуто несколько колких злаковых стебельков.

«Митсуко» и василек. Злаковые и покойница, носившая погоны...

Стас метнулся обратно в спальню, распахнул дверцу платяного шкафа и, найдя там форменный китель с погонами старшего лейтенанта, приложил к носу его воротник.

От воротника – разило. Если учитывать, что медэксперт Савельев уже дал предварительный отчет о времени смерти – не более восьми часов назад, то китель щедро сбрызнули «Митсуко» буквально перед самой смертью Инны.

– Кутепов! Миша! – нетерпеливо рыкнул Стас.

В дверном проеме спальни мигом появилось круглое лицо оперативника. Капитан выразительно поднял рыжеватые брови, мол, чего тебе, начальник? И Стас, пылливо прищурившись, поинтересовался:

– Помнишь, мы вместе выезжали на убой стюардессы? Ноябрь, Текстильщики. Кажется... ее звали Марина Воробьева. Тоже голая, в ванне.

– Ну, – кивнул Кутепов. – Красивая такая... блондиночка. Тогда еще понятого вырвало.

– Да. А букет из роз ты помнишь?

Капитан нахмурился.

– Букет? – переспросил.

– Да, да, – зачастил следователь. – Букет стоял на самом видном месте, в нем тоже был василек и злаковые, в квартире пахло «Митсуко» и...

– Чем пахло? – перебил Кутепов.

– Духами твоей бабушки!

– Не ори. Мой дед дарил бабуле на Восьмое марта «Красную Москву».

Стас махнул рукой. Как вырвало понятного, Миша вспомнил, все остальное потонуло в дебрях. Но, впрочем, если запах не сопровождал капитана большую часть его жизни – прости-тельно.

Гущин прошел в ванную и дал указание криминалисту сфотографировать букет в нескольких ракурсах и уделить внимание флакончику от французской фирмы «Герлен».

А следующим утром, едва добравшись до рабочего кабинета, Стас достал из сейфа дело четырехмесячной давности и углубился в изучение фотографий с места происшествия.

* * *

На прошлогодний юбилей хитроумные подчиненные подарили шефу капсульный кофейный аппарат, и теперь в кабинете подполковника Коростылева всегда пахло не нагоняями и взмысленными шеями, а вполне изысканно и по-домашнему – хорошим кофейком. Коим Анатолий Николаевич не забыл попотчевать и хитрых отличившихся вассалов.

Тем утром кофе Гущин получить успел, но было видно, что патрон об этом быстро пожалел.

– Серия, говоришь? – гоняя по широкому лбу морщины, кисло говорил Коростылев. – А ты не поторопился? Два эпизода, запах, васильки...

– Василек, – поправил Гущин. – Один. В букете из роз. И злаковые, конкретно – рожь.

– Изучил, значит... землепашец.

Патрон ворчал, и это было объяснимо. Объединять дела по факту букета и запаха – нынче широко не распространенного, но все же легендарного – и придавать им статус серии казалось рановато. Николаевич поворошил лежащие на столе фотографии.

– Девушки не соответствуют одному типу – одна брюнетка, другая блондинка. Первая малышка с толстой попкой, вторая тощая и длинная, как манекенщица...

– Обе задушены, найдены голышом, но без следов интимной близости. Обе носили форму, – упрямо гнул свое майор.

Начальник фыркнул:

– Еще скажи, у стюардессы есть погоны.

– Нет. Но что-то общее в этом имеется.

Анатолий Николаевич побарабанил по столу короткими пальцами, глубокомысленно раздул щеки и выдал:

– Не понимаю, в чем проблема, Стас? Оба дела в твоём производстве, копай.

– Есть копать. – Гущин поднялся из-за стола.

Коростылев недовольно буркнул ему вслед:

– Не перестарайся. Почувствовал себя, понимаешь ли, великим специалистом по маньякам.

Гущин, не оборачиваясь, кивнул. Но согласился он вовсе не с последним утверждением: специалистом по серийщикам Стас себя не считал. Прошлым летом ему удалось лично обезвредить серийного убийцу Водяного¹, но немотивированных преступлений майор все так же

---

¹ О деле Водяного рассказывает повесть «Пока не зазвонил телефон».

не любил. Предпочитал работать, вычисляя личный интерес у граждан с относительно здоровыми мозгами и понятными мотивировками – финансовыми либо личными.

Но как справедливо заметил Николаевич, оба дела находились в производстве Гущина, и версию с серийным убийцей следовало отработать. Стас дал задание стажеру Сереже подобрать для него похожие дела и занялся текучкой.

* * *

Стажер Сережа оказался докой. Уже к вечеру майор получил список из нескольких фамилий потерпевших: все девушки молоды и красивы, найдены задушенными и обнаженными в ваннах, не имеют следов сексуальной близости. Но лишь в двух эпизодах присутствовал большой букет и форменный мундир. В первом случае жертвой оказалась работница метрополитена, вторая служила проводницей поезда Москва – Сочи. Можно сказать, девушки почти коллеги.

Труженица подземки погибла три года назад. Стас, увеличивая на компьютере снимки с места этого преступления, скрупулезно отработал фотографии полочек с косметикой и не нашел на них «Митсуко». Букет вообще сфотографировали отвратительно: определить, присутствовали ли там васильки и злаковые, не получилось.

А вот с погибшей железнодорожницей майору повезло. (Если можно так сказать, учитывая, что убийцу за два года не нашли, но появилась хоть какая-то ниточка.) Букет роз диаметром с колесо велосипеда дополнял пятно лазоревого цвета.

Стас быстро созвонился со следователем, который вел дело по убийству проводницы Лялькиной, попросил его припомнить детали, поинтересовался, был ли в квартире какой-то особенный парфюмерный запах... Но получил ответ:

– Не помню. Столько времени прошло. Да и вообще, Станислав Петрович, я в запахах как-то не силен. Для меня, что «Шипр», что чертова «Шанель»... Поговори-ка ты с медэкспертом, с Танюшей Ильиной. У нее память – записная книжка МВД.

Уже на следующий день майор был в судебно-медицинском морге. Через раскрытую дверь кабинета наблюдал, как Татьяна уже пять минут ругается по телефону с неким бестолковым лаборантом.

С Ильиной Гущину однажды доводилось поработать. Стройную пепельную блондинку большинство его коллег-мужчин признавали раскрасавицей, но Гущин ничего не мог с собой поделаться: она ему напоминала – мышь. Деятельную и кропотливую. Возможно, это было связано с невеликим ростом прозекторской красавицы, но, скорее всего, сыграл момент впечатления от первой встречи. Тогда Татьяна бросала курить и беспрестанно что-то пережевывала. То мятную жвачку, то ириску, отчего острый кончик ее носа находился в некотором движении, и Гущину казалось: мышь принюхивается.

Что в данном и конкретном случае послужило делу. На вопрос, не запомнила ли Таня запаха духов в квартире убиенной проводницы, последовал уверенный ответ:

– Да, от этой... как ее... Лялькиной пахло «Митсуко».

– Точно? – оживился следователь.

Мышь высокомерно посмотрела на Стаса.

– Самая долгая память – обонятельная, Станислав Петрович. И потом, эти духи любили мои мама и бабушка.

– Похоже, – пробормотал майор, – все наши бабушки и мамы любили этот аромат.

– И еще Булгакова, – улыбнулась Таня. – Вы знаете, что в переводе с японского «Митсуко» означает «тайна»?

– Нет, – признался Гушин и проникся к эксперту жгучим уважением. В расследовании серии убийств включение такого понятия, как тайна, может стать немаловажным. – Таня, а если я вас попрошу взглянуть на тело, доставленное в морг позавчера? Мне будет интересно ваше мнение.

– Не вопрос. – Дюже знающая «мышь» достала из кармана латексные перчатки.

Вечером того же дня Стас был на докладе у Коростылева. Отлично зная, что подполковник не выносит бездоказательного словоблудия, подсовывал ему бумажки и фотографии, подкрепляя умозаключения запротоколированными данными.

– Убийство проводницы Лялькиной, мне кажется, мы можем тоже включить в серию. Вот, посмотри, – наедине Стас обращался к начальнику на «ты», – этот снимок Лялькина сделала на телефон буквально за час-полтора до смерти. Судя по кафельному полу, фотографировала браслет в совмещенном санузле квартиры и, не исключено, тайком. Иначе зачем эдакую красоту рядом с унитазом запечатлевать.

Подполковник взял снимок, хмуро поглядел на изображение женского запястья, украшенного серебряным браслетом с эмалью и аметистами. Украшение, похоже, старинное, раритетное, в виде виноградной грозди из фиолетово-лиловых камней, окруженных зелеными листочками эмали.

– Отправленную подруге фотографию сопровождала подпись: «Смотри, что он мне подарил!» От подруги пришел ответ: «Можешь считать, мы все от зависти подошли».

Коростылев со вздохом отложил снимок.

– Это все лирика, что по делу, Стас?

– Вот. – Гушин многозначительно поднял вверх указательный палец. – Теперь смотри сюда. – Майор подсунил подполковнику наисвежайший снимок с убийства старшего лейтенанта МЧС: тоже женское запястье, без браслета, но зато с царапиной. – В ранке на руке Норкиной найдены следы серебра. Старинного, прошедшего чистку определенными химикатами.

Стас рассказал подполковнику, что помимо способа убийства, духов, формы и букета трех потерпевших связывает еще и личность вероятного преступника. С каждой из них некий состоятельный привлекательный мужчина знакомился за два-три месяца до убийства, но ни одна из подруг его не видела. Поскольку кавалер категорически просил любовниц хранить их встречи в тайне.

– Мол, он «женат на деньгах», находится на стадии развода. И если только его благоверная узнает, что муж ей изменял, – прости-прощай мильены. Наживка, как ты понимаешь, бросалась крепкая. Пару месяцев держать рот на замке в состоянии любая девушка, ей олигарх пообещал жениться. Кое-что, судя по фотографии и подписи Лялькиной, конечно ж, протекало. Но не настолько, чтоб у нас имелось хотя бы примерное описание преступника. Его никто в глаза не видел.

Коростылев, нагнувшись над столом, задумчиво пошлепал по нему ладонями.

– Так, – подытожил он размышления последним громким шлепком и распрямился. – Что же у нас имеется в наличии? Голышки с асфиксией, букет, духи, форма, таинственный красавец...

Шеф запнулся, и Гушин произвел решительную вставку:

– Браслет. Уже достаточно для серии. Сегодня, кстати, я узнал, что в переводе с японского духи называются «Тайна», а аметист несет в себе значение «покорность». Все девушки проявляли покорность в соблюдении тайны, понимаешь? Создается впечатление, кто-то затеял с нами игру.

– Может быть, Фермер? – невесело хмыкнул подполковник. – Рожь, васильки...

– Пусть будет Фермер, – легко согласился Гушин. – Хотя, на мой взгляд, тут больше подошел бы Коллекционер.

– Почему это?

– У меня есть сведения о еще одном похожем убийстве: девушка, носившая форму, – работница метрополитена, – задушена в ванной, но сексуальной близости не было, а в комнате большой букет из роз. С фотографиями мне не повезло – василек я не разглядел, да и духов, увы, тоже. Но главное не это: девушка была, мягко выражаясь, несимпатичной. Коротконогая, с тяжелым задом, крупным носом... Ее могли убить только, так сказать, для коллекции.

Коростылев подумал несколько секунд, сложил все воедино и, вытаращившись на подчиненного, возмущенно отпрянул.

– Ты соображаешь, что говоришь, Стас? Кто-то... собирает по Москве... коллекцию служивых девушек, так?! – Тело подполковника подалось через стол на Гущина. – В списке Коллекционера уже есть железнодорожница, метрополитен, МЧС и эта... как ее... бортпроводница! – раскипятился Николаевич. – А кто, интересно знать, будет еще? Полицейская?! Прокурор, ФСБ или секретарша начальника Генштаба?!

Навоображав себе проблем с Генштабом и прочими силовыми ведомствами, начальник поперхнулся и, перекинувшись назад, схватил с углового столика стакан с водой. Попив, слегка остыл:

– Ты не вчера родился, Гущин. Как только станет известно, что некто охотится на девушек в погонах... такая, мать ее, истерика начнется!.. Шила в мешке не утаить!

Майор кивнул. Едва он отправит запрос с просьбой сообщать ему обо всех похожих преступлениях, наличие серии утаить не получится. Где-то обязательно «закапает», и через пару недель все желтые листки начнут пугать служивых девушек страшилками о красавчике-душителе.

Коростылев жестко помассировал затылок и досадливо крикнул:

– Ты можешь себе представить, как наши девушки начнут шарахаться от каждого смазливового мужика? Девчонки ищут женихов... хотелось бы не жадных и симпотных... а тут мы с тобой: бойтесь, девочки, богатых и красивых. Ату их, ату!

«Зато в живых останутся», – подумал Гущин. Но если за основу взять количество разбитых девичьих сердец, становится тоскливо. Подозрительность – отвратительная почва для радостных любовных приключений.

– Так что мне делать? Я забираю себе в производство дело Лялькиной?

– Да. Я договарюсь с районом. Забираешь, но работаешь на цыпочках. На цыпочках, Гущин! Иначе, чует мое сердце, я буду весь день с прессой собачиться и на звонки испуганных невест и их родичей отвечать!

Гущин продолжал сидеть на корточках, разглядывая измусоленный подошвами букет. Татьяна говорила:

– Обрати внимание на капельку крови у стола. Я взяла образец, может, это кровь убийцы? Вдруг Фермер поранился, когда вазу грохнул.

– Или он начал избивать Зотову на кухне, – предположил майор. – Капелька одна, а он ее долго метелил. – Стас встал прямо и поглядел в серьезные глаза медэксперта. – Как думаешь, почему он отступил от правил? Почему разгромил квартиру, вылил духи...

– Духи он, скорее, случайно уронил, – перебила Таня. – Я попросила Колю повнимательнее глянуть на флакон и пробку, так вот: на пробке от духов есть скол. Фермер, похоже, выносил «Митсуко» из квартиры, флакончик выскользнул из рук, ударился о железную подставку для зонтов, и пробка выскочила. Пробка, кстати, под тумбочку укатилась, Коля ее оттуда доставал.

Стас кисло усмехнулся:

– Делаешь нашу работу, Таня?

– А ты думаешь, меня это дело всерьез не зацепило? Наших девчонок убивают, Гушин. Наших. Я – в теме, Коля впервые по Фермеру работает.

– Да, да, спасибо. – Стас задумчиво огляделся. – Интересно как все получается... Он впервые подчищал следы, так? Забрал с собой духи и раздавленный василек с колосками, хотя раньше оставлял все это в квартирах. И жертву оставил полностью одетой в гостиную, чем совершенно изменил картину преступления...

– Ты меня спрашиваешь или себя?

– Размышляю вслух.

– Тогда отвечу по своему профилю. Зотову убили не менее трех суток назад. Позже скажу точнее, в квартире на полную мощность работал кондиционер. Следы на ее теле говорят о том, что убийца был в ярости. Он избивал Зотову, а не бил.

– Заметил. Интересно, что его так взбесило? – Стас поднял глаза к потолку. Прищурился. – Что заставило его полностью изменить сценарий и «подтереть» на месте преступления? Он не хотел быть привязанным конкретно к этому убийству? Причем впервые.

– Совет хочешь? – поинтересовалась Ильина, и Гушин прекратил разглядывать высокий потолок.

– Конечно.

Таня поманила его к окну и, отодвинув легкую занавеску, мотнула подбородком в сторону двора:

– Девушку в форме видишь? Курит в сторонке. – Гушин перегнулся через руку мед эксперта и поглядел на фигурку скукожившейся девушки, стоявшей под тополем и пускавшей клубы дыма. – Это Света Иванова. Я шапочко с ней знакома, она работает... работала вместе с Зотовой. Она же ее и обнаружила. С ней пока толком не поговорили, а дело, как я догадываюсь, Гушин, все равно передадут тебе, и, пока бедолага Вахмистров тут весь разгром описывает, метнись – поговори с девчонкой.

– Спасибо. – Гушин и вправду метнулся было к выходу, но вдруг затормозил и обернулся к эксперту: – Тань, а ты Зотову тоже знала?

Татьяна поджала губы и кивнула.

– Знала. Москва-то – город маленький. Я и Ирку, и двух ее лучших подружек встречала – Иванову и Мыльникову.

Что-то в тоне криминального медика заставило майора остаться и продолжить разговор.

– Ты что-то знаешь о...

– Об этой троице? – не дала договорить Татьяна. – Иванову я почти не знаю, но вроде бы хорошая девчонка. Зотова и Мыльникова из породы молодых да ранних.

– Карьеристки? Задирали нос?

– Типа того. О покойных плохо не говорят, но работать с Ирой неприятно было. Любила из себя начальницу построить. Мыльникову я видела мельком, она из другого района. Но знаю от коллег, что барышня обожает перед начальством покрасоваться. Выскочка.

– Читаю – стервочка?

Татьяна усмехнулась.

На небе полыхало июньское солнце, но лучшую подругу Зотовой колотил озноб. Фиолетовые губы Светы тряслись, как на морозе, и щеки побелели. В тонких пальцах вибрировала выкуренная до фильтра сигаретка.

Увидев приближавшегося Гушина, Светлана опознала в нем коллегу, невзирая на его льняные брюки и рубашку поло. Выбросила окурочек, нервно притоптала его туфелькой и постаралась выпрямиться. Показала, что готова к разговору.

Но едва ее плечи расправились, как их тут же снова передернуло. С нервами девчонка, видать, совершенно не справлялась.

И Гушин натянул на хмурое лицо улыбку. Одновременно ободряющую и сочувственную.
– Здравствуйте, Светлана, – поздоровался и достал из нагрудного кармана служебное удостоверение, – майор Гушин Станислав Петрович.

Светочка кивнула:

– Здравствуйте.

– Поговорим? – спросил майор.

– Здесь? – удивилась девушка и судорожно сглотнула. – Без протокола? А когда меня, ну...

– ...отпустят, да?

Света помотала взлохмаченной головой и шмыгнула носиком. Лицо ее было чрезвычайно бледным, длинную изящную шею облепили нервные алые пятна. Но девушка оставалась красавицей даже в состоянии абсолютного шока, и почему-то Стас подумал: «Троица подружек цементировалась по внешним признакам? Интересно, интересно... Мыльников тоже из разряда „Мисс Погоны текущего года“?»

Наверное. По словам Татьяны об этом можно догадаться.

Стас оглядел двор, увидел, что все скамейки заняты зеваками: старушками и тетушками, вышедшими поглазеть и посудачить, на одной из лавочек покурил давешний участковый.

– Может, прогуляемся, пройдемся?

Света приподняла уголок посеревших губ.

– Да я б давно отсюда... Стою, как в витрине. Только боюсь далеко отходить, вдруг я понадобится?

– А вы не бойтесь, – мягко улыбнулся Стас и взял трясущуюся девушку под локоток. – Пойдемте, Вахмистров еще как минимум час место происшествия описывать будет.

Света послушно повернулась, ее ватные ноги едва не подломились в коленях, и Гушин сжал крепче девичий локоть.

В соседнем дворе, под старой разлапистой березой, нашлась свободная скамейка. Стас, продолжая работать кавалером, бережно усадил Светлану на лавочку и, оставшись стоять, разглядывая ее склоненную макушку, негромко выговорил:

– Расскажите мне, пожалуйста, что вас привело сегодня в дом Ирины?

– Я приехала к Зотовой рыбок покормить. Они с Мыльниковой в Сочи собирались, Мыльникова еще в пятницу вечером уехала, Ира должна была вылететь вечером в воскресенье... Я думала, она мне позвонит перед отлетом, весь понедельник ждала, а сегодня отправилась кормить рыбок. Ключи от квартиры Зотова мне еще в пятницу на работе передала. – Света обняла себя за плечи и жалобно спросила: – Можно я не буду рассказывать, как ее нашла? Никогда не думала, что это так тяжело... Сама ведь свидетелей и родственников опрашиваю, мариную их по несколько часов...

– Оставим, – легко согласился Гушин и ненавязчиво перешел на «ты»: – Ты ведь ничего на месте не трогала?

Света слабо фыркнула, намекая, что не надо учить мамку борщ варить:

– Зотова уже минимум сутки мертва, проверять у нее пульс и реакцию зрачков надобности не было.

Стас отметил, что Света в основном называет погибшую подругу по фамилии. И это, по мнению майора, о чем-то говорило.

Хотя... дворянки из Смольного института благородных девиц тоже вроде бы «фамильничали». И наши «аристократки», не исключено, изволят интересничать.

– Но я все это уже Вахмистрову рассказала. О том, как нашла, почему приехала... Но тогда зам главного приехал, Толик меня и выставил. Пожалел.

– Понятно. Свет, а как ты думаешь, кто мог так с Ирой поступить? – сочувственно спросил майор.

– А я не думаю, я знаю, – сквозь стиснутые зубы просипела старший лейтенант.

– О как. – Стас принялся нашаривать в заднем кармане брюк записную книжку, готовясь записать ФИО преступника.

– Это он, гад... вернулся. – Светлана, сузив в шелку распухшие веки, сосредоточенно смотрела на детскую песочницу, где шустро окапывалась рыжая кошка. – Зотова и Мыльников в Сочи отправились, чтобы его разыскать, а он сюда нагрянул. – Неожиданно для Стаса старший лейтенант смачно и умело припечатала какого-то гада по матушке.

– Имя у гада есть?

– Есть. Илья.

– Фамилия? – Гушин выудил из нагрудного кармана авторучку.

– Можешь не записывать, – переходя с подачи майора к упрощенному обращению, процедила Света. И Гушин сразу же увидел в ней не девушку, номинированную на звание мисс Прокуратура, а следака. Старлея. – Нечего писать. Мы знаем только его имя и то наверняка фиктивное. А кто, откуда... – Света развела руками, села прямо и заговорила.

Вначале ее рассказ шел по накатанной: Зотова поддавалась на просьбы ухажера и ничего не рассказала подругам о завязавшемся романе. Почти два месяца терпела. Но, достойно выпив на дне рождения Мыльниковой, неожиданно похвасталась: «Прикиньте, девочки, я, кажется, мужа какой-то министерши подцепила».

Девчонки выдали реакцию, которой от них ждали: дружно округлили глазки. Реакция польстила, и Зотова пустилась во все тяжкие в деталях и подробностях, с самого начала.

Фермер подошел на улице, когда Ирина, одетая по форме, шагала из суда. Спросил какую-то чепуху вроде «Как пройти в библиотеку?». Отвесил комплимент. И завязал приятный разговор, закончившийся приглашением на ужин в ресторан с заоблачными ценами.

«Девчонки, я не устояла, – притворно каялась Ирина. Со смехом приложила ладони к груди и наклонила голову, – крепость пала в тот же вечер».

Дойдя до этого места в повествовании, Светлана сделала паузу. Невесело усмехнулась:

– А надо было знать нашу Зотovu. Она со школы в первый день не целуется. Марку держит. Первый поцелуй, считает, надо заслужить.

– И чем же ее так новый знакомый зацепил?

– А всем. Ролексом, костюмом, запонками. Ухаживал. Обволакивал.

Старший лейтенант замолчала, и Гушин с недоуменной укоризной проворчал:

– Ну, вроде бы опытная женщина, сама, поди, вела дела о мошенниках и брачных аферах. И так глупо попалась...

– Согласна. Нарвалась. – Светлана, зло сощурившись, в упор посмотрела на майора. – Вы думаете, я не знаю, что Ирку считают жуткой стервой? Но... *стервам*, Станислав Петрович, тоже хочется любви. Им тоже хочется *поверить*. – Отвернувшись, старлей внезапно отмахнулась. – А-а, ладно! Чего уж там, Ирка его, конечно ж, обшмонала. И не раз. Когда тот в ванную выходил, карманы выворачивала.

– И что?

– А ничего. В портмоне даже кредиток не было, только наличка. А Зотова надеялась по номерам кредитных карт установить владельца. Тоже ведь, – хмыкнула Иванова, – не девочка, не спичками в ларьке торгует.

– Так почему ж не заподозрила подвоха?

– Ну, Илюша ей так много говорил о своей влиятельной жене-чиновнице, которая оформила на него все активы и заводы-пароходы. Типа он должен соблюдать осторожность, если жена узнает, что он ей изменяет и готов сорваться, то мигом без штанов оставит, переоформит все на дядю Васю или попросту... прихлопнет.

– Даже так?

Гущин сделал мысленную пометку: в том, что Ирина нарушила обещание хранить тайну, Фермер, пожалуй, виноват немного сам. Он понимал, что связался не с простой девушкой, и, пресекая у той профессиональное любопытство, перестарался с аргументами и раздраковал-таки следовательский зуд. Ирина в самом деле заподозрила лестный факт: она уводит муженька у чудовищно влиятельной мадам, раз благоверный так ее боится. Не удержалась и похвасталась.

А также постаралась выяснить конкретику: кому ж она на хвост-то может наступить? Чье состояние она, не исключено, оттяпает или ополовинит?

В общем, делая ставку на разумную осторожность и девичью жадность, Фермер значительно переборщил и заставил Иру действовать.

– Я подхожу к главному, – сказала Иванова. – Однажды Илья все же прокололся: Зотова нашла в его кармане пару визиток сочинского мини-отеля. И вот когда он пропал, поехала туда. Вернее, как поехала – собиралась только. Мыльникову вперед себя отправила – у Маринки хорошие «подвязки» в сочинской прокуратуре – и собиралась вылететь в воскресенье...

– Свет, – перебил майор, – давай-ка с этого места подробнее. Последовательно... ну, ты сама все знаешь.

– В развитии все выглядело так...

Почти две недели назад, в субботу, Зотова ждала любовника в гости. Илья приехал, но где-то через полчаса Ирине позвонили с работы и попросили срочно приехать.

– Точнее, приказали, – поправилась Светлана. – В изоляторе подследственный повесился, Зотовой сказали, что машину за ней уже выслали. Подследственный сидел по громкому делу, Ирка собиралась выжать из шумихи по максимуму. И вот когда Илюша уже начал ее раздевать – звонок...

Разошедшийся любовник пытался следователя удержать. Умолял остаться, говорил, что нынче Ира уже не должна думать о карьере – вопрос с его разводом практически решен! День-два, и он переведет активы на свои счета в офшорах, а дальше: пляж, Мальдивы, Карибы... все, что угодно, включая Антарктиду! Рядом с любимой женщиной можно всю жизнь ходить в унтах и распугивать пингвинов.

– Короче, скандал был тот еще, Зотова вырывалась чуть ли не с боем. Под окнами шофер вовсю сигналил, она сказала Илье: «Оставайся, жди, я скоро». Но освободилась только около полуночи. Приехала, – Светлана подняла вверх и резко опустила плечи, – но все: Илюша не дождался, психанул, и норка опустела. – Старлей покачала головой. – Я никогда раньше не видела, чтоб Зотова так по мужику убивалась.

– Плакала?

Иванова дернула верхней губой:

– Как же. Ирка никогда не плакала, она бесилась, всякие там «люблю», «мне без него плохо» – вообще не ее тема. Была... Мы с Мыльниковой видели, что мужик ее серьезно зацепил, и она считает себя типа виноватой. Но чтоб рыдать... нет. Сказала только: «Девки, я, похоже, дура. Он мне, кажется, собирался предложение делать – с цветами и подарками приехал. А я проверку не выдержала. На работу подорвалась, вроде как карьеру предпочла»...

Вполуха слушая Светлану, Гущин подумал о том, что в день, когда норка опустела, Ирина, не исключено, осталась в живых лишь потому, что под ее окнами сигналлила разъездная машина прокуратуры. Фермер пришел убивать, но не решился и отсрочил расправу. «Может быть, потому он впервые так и измывался над жертвой? Ира проявила непослушание, разозлила его?»

Хотя вряд ли. Две недели – достаточный срок, чтобы остыть. Зотова разозлила его уже потом. Еще раз и теперь уже до бешенства.

– Мне кажется, – продолжала Света, – Илья ее и зацепил-то тем, что на задних лапках не бегал. С ним сразу все навыворот пошло, он заставил ее слушаться и, – Иванова недоуменно

повела плечом, – Зотовой вроде бы это нравилось. «Встань», «иди», «повернись, как я хочу». «Я сегодня приезжаю – будь дома». А может быть, еще сыграл тот факт, что они встречались не чаще, чем раз в неделю. Он присылал сообщение в день встречи и даже указывал, как она должна одеться, чем надуться. – Светлана слабо фыркнула. – Чтоб нашей Зотовой кто-то приказывал, какое нижнее белье ей надевать?.. Умора. Мы с Мыльниковой такого и представить раньше не могли! Илья Зотову даже по ресторанам не водил, говорил, что боится наткнуться на знакомых. После первого свидания они всегда встречались дома у Зотовой, а она и рада-радешенька. – Света снова с удивлением покачала головой.

– Ирина хоть как-то описывала Илью? Брюнет, блондин, высокий, худошавый?

– Если б описывала, – резко выбросила старший лейтенант, – я б об этом в первую очередь сообщила. Но она сказала, что найдет его сама, боялась навредить мужчине, в которого влюбилась. Вдруг у того и в самом деле жена – звероящер со связями. Зотова уговорила Мыльникову поехать в Сочи, полюбезничать с Артурчиком...

– Сочи всплыл в связи с визитками отеля? – перебил майор.

– Да. Их было сразу две, понимаешь? Илья говорил ей, что он питерец, но у него бизнес в Черногории и он туда постоянно мотается. Но Ирка, когда собралась его разыскивать и извиняться, начала по крупницам восстанавливать их встречи, припомнила, что Илюша частенько привозил южные фрукты. И загар у него определенный – вьевшийся. Потом вроде были еще какие-то оговорки, Илья пару раз о Сочи говорил. Так, словно хорошо этот город знает. В общем, Зотова – следовательно, сложила два и два. Она уговорила Мыльникову поехать в Сочи и восстановить отношения с Артуром. По Интернету зарезервировала два номера в отеле «Моя Эллада». Но попросила Мыльникову не форсировать события, вдруг звероящер этим самым отелем владеет? – Света огладила на бедрах форменную юбку, наклонила голову и печально вздохнула. – Зотова вообще все наверняка делала. Почву готовила и соломки подстилала.

– Соломка – это Артур?

– Ну да. Абрамян не последний чин в сочинской прокуратуре, но главное, он в городе каждую собаку знает. Зотова надеялась, что поспрашивает Артурчика о главных сочинских бизнесвумен, опишет Илью, и Абрамян определится, кто есть ху. Навряд ли таких пар будет много, а Артур реально знает весь сочинский свет и полусвет. Ну и поддержку окажет, если Зотова проколется и на нее благоверная-звероящер наедет... Илья ведь здорово пугал своей женой.

Светлана загрустила, Гуцин присел с ней рядом, достал из кармана смартфон и, поработав с фотоальбомом, протянул телефон свидетельнице: – Свет, посмотри, пожалуйста, тебе этот браслет ничего не напоминает? Хотя бы по словесным описаниям Ирины.

Старлей повернула телефон так, чтобы избавить панель от солнечных бликов, и тут же вытянула шею. Прошептала:

– Этот браслет Илья подарил Зотовой в тот день, когда они разругались... – Вскинула голову. – В квартире вы его найти не могли – он в Сочи вместе с Мыльниковой улетел. Откуда у вас этот браслет? С Маринкой что-то случилось, да?! Чья это рука?! Ее тоже... – Светлана не договорила. – Я все утро не могу до Мыльниковой дозвониться!

Недавно чуть порозовевшее лицо Светланы вновь побелело, глаза пучились на Стаса в ужасе, и следовательно испугался, что свидетельницу вот-вот удар грохнет.

– Так, Света, тихо.

Гуцин суматошно подбирал слова для объяснений. Говорить, что эту фотографию сделала другая покойница, нельзя. Иванова хоть и следовательно, но все же девушка, сегодня обнажившая одну подругу мертвой, а до второй никак не может дозвониться. «Черт бестолковый! – обругал себя майор. – Светлана говорила, что Фермер сделал Зотовой подарок, прежде чем уйти не попрощавшись! Надо было сразу о подарке спросить, получилось бы не так шокирующе».

– Этот браслет проходил по другому делу. Похожему.

Посеревшие губы Ивановой задвигались. Не отводя расширившихся глаз от майора, она забормотала:

– Ты не районный, а городской... Приехал – значит, вызвали. Зотова что... в серию попала?!

Да, Светочка была коллегой и умела делать правильные выводы. Гушин подергал себя за мочку уха и невразумительно кивнул:

– Похоже на то.

– Похоже?! – разъярилась Иванова и вскочила с лавочки. – И сколько этот браслет по *похожим* убоям гуляет?!

«Навскидку года три», – подумал Гушин, но говорить о том не стал. Лицо Светланы нависло над майором.

– Или ты скажешь, что браслет этот тоже... похожий?! Штамповка? – прошипела девушка. – Нет, Станислав Петрович. Я его в руках держала, он – старинный, один-единственный такой! – Старший лейтенант выпрямилась и разгневанно, с толикой презрения поглядела на майора. – Вы что ж творите-то, а? Если б об этом браслете стало известно, Ирка бы сейчас живой была!

Гушин мог бы проблеять нечто-то вроде: «Мы ничего не знаем о преступнике, а в наше время „информация для внутреннего пользования“ таковой надолго не остается». Но, взяв по гамбургскому счету, промолчал. Крыть – нечем. Обвинение Светланы справедливо до последней буквы.

Пока он раздумывал над тем, что бы такое сказать потрясенной коллеге, Светлана вдруг сама сменила тему. Громко чмокнув, разомкнула челюсти и пробормотала:

– Браслет сейчас у Мыльниковой... А я до нее все утро дозвониться не могу... Надо звонить на ресепшен отеля! – Старлей решительно выхватила из кармана телефон и тут же взвыла: – Я ж номера «Эллады» не знаю! Станислав Петрович, пойдемте в «адрес», фотография визитки есть в телефоне Зотовой! Она ее сфотографировала, когда в кармане Ильи нашла!

Не дожидаясь Гушина, Светлана понеслась к большому сталинскому дому. Стас заторопился следом, попутно размышляя на ходу: «Зотову убили три дня назад. Причем, вероятно, после лютого допроса. Если Фермер сразу же отправился в аэропорт, то в Сочи прилетел давным-давно. Мог успеть расправиться и с Мыльниковой, а теперь...» Додумать майор не успел, так как в кармане запиликал мобильный телефон. Гушин выдернул его наружу, увидел на дисплее имя шефа и, активировав смартфон, разозленно рявкнул:

– Здравия желаю!

– Ты где? – спросил Коростылев.

– Я – тут.

– Я тоже.

Вывернув из-за угла, Стас увидел у подъезда Зотовой автомобиль начальника. Анатолий Николаевич выбирался из салона, пристраивая фуражку на лысоватую лобастую голову. Мимо него пробежала девушка в форме старшего лейтенанта юстиции, но почему-то позабыла откозырять старшему по званию, пронеслась мимо, как ведьма на метле.

– Это кто? – глядя в спину Светланы, спросил Коростылев подошедшего майора.

– Подруга и свидетельница, Света Иванова. Она сегодня Зотову нашла.

– Понятно. – Анатолий Николаевич исподлобья поглядел на Стаса, и тот отметил, что начальник плохо выглядит. Если добавить в стиль литературности: на Николаевиче не было лица. Оно куда-то делось, уступив всю площадь физиономии выражению нашкодившего старикашки. – Похоже, влипли мы с тобой, Стас, – сказал Коростылев, – Точнее говоря, я влип.

Гушин догадался, что подполковник имеет в виду. Начальник вспоминал тот разговор, когда он запретил майору оповещать общественность о появлении серийного убийцы, охо-

тившегося за девушками в форме. Но пенять на то майор не стал: судя по тому, что шеф за несколько часов постарел на несколько лет, корить его было уже поздно, да и опасно. Один инфаркт у шефа уже был. И пахло от него нехорошо, перед приездом начальник выпил неких капель с запахом валерианы.

– Что тут? – сумрачно спросил Коростылев.

– Все то же, – невнимательно ответил Стас. Его не отпускала какая-то мысль, недооформившаяся, очень важная. – Духи, букет... Черт! – выкрикнул майор. – Они же сейчас в Сочи звонят!

Резко подхватившись с места, Гушин забежал в подъезд, взлетел по лестнице и, оттолкнув с порога мужчину с кожаной папкой под мышкой, пронесся по прихожей до гостиной, где увидел Вахмистрова с телефоном.

– Отставить! – гаркнул. – Не звонить!

Проходя под аркой металлоискателя в аэропорту, Стас думал: датчик должен зазвенеть. Поскольку в голове майора Гушина сидят четыре пули. Две крупнокалиберные, выпущенные в затылок взглядом матушки Маргариты Павловны. И две помельче, от жены Янины. В четверг у тещи Станислава день рождения, все Гушины приглашены в ресторан. Подарок приготовлен, платья куплены, мама зарезервировала на полдень четверга кресло в парикмахерском салоне... Это будет ее первый, исключительно семейный выход в свет вместе с новыми родственниками!

Но, вероятно, он пройдет без сына.

А мама так готовилась. Мама так гордится: в прошлом году сын взял в жены дочку депутата Госдумы Евгении Львовой.

Причем к случаю надо отметить: сама мадам депутат отнесется к отсутствию зятя с пониманием. Стасу повезло не только со второй женой, но и с ее родней.

И потому, собирая дома дорожную сумку, Стас чувствовал себя неловко. Обещать: «Я обязательно вернусь к четвергу» – совершенно бесполезно. Гушин сказал: «Я постараюсь». И почему-то соврал, что улетает в Сыктывкар. Наверное, хотел, чтоб пожалели: Коми все же не курорт, не Сочи.

Янина положила в сумку теплые носки и дождевик. Стас незаметно подsunул под шерстяные носки купальные плавки. Маргарита Павловна вручила сыну убойной силы репеллент и малость поворчала.

Когда-то Стас отчаянно желал, чтобы у матушки наладился контакт с его первой женой Мариной, сейчас подумывал о том, что она несколько перегибает, опекая его нынешнюю семью.

Мама так тряслась над обретенным счастьем сына, что в ней откуда-то взялась манера, которой раньше не было: мамуля стала пенять сыну на неурочные служебные звонки и вызовы: «Смотри, сбежит Янина от такого мужа! Тебя же вечно дома нет!» Порой, как ей казалось, ненавязчиво, намекала: «В молодости я любила милые сюрпризы, твой папа часто приходил с работы с букетиками цветов...»

Вранье. Во времена молодости мамы и папы в киосках продавались в основном всесезонные гвоздики, а мамуля их по сию пору терпеть не может. Если не считать обязательных букетов к праздникам, в качестве настоящего сюрприза Стас мог припомнить только сногсшибательный букет сирени, ради которого папа ободрал чей-то палисадник возле деревенской дачи приятеля.

Короче, за свои нервы Стас не переживал, но беспокоился, что манерой морщить нос заразится и его жена. Пока Янина совершенно трезво воспринимает случившееся отсутствие мужа по выходным, но, если дело так пойдет – лиха беда начало. Гушин собирался поговорить с мамой, объяснить ей, что она действует во вред, заставляет Яну чувствовать себя покинутой, брошенной... Он несколько недель готовился к непростому разговору и подби-

рал шадящую аргументацию. Янина как-то догадалась о нарастающем недовольстве супруга и однажды ночью, поглаживая его по груди невесомо нежными пальчиками, шепнула: «Не сердись на маму, милый. Она хочет нам только хорошего. – Удивленный Гуцин приподнял голову с подушки, встретился взглядом с женой. – Маргарита Павловна боится, что у нас что-то пойдет в разлад. Защищает, как умеет, старается, не обижай ее, пожалуйста».

Н – да, Гуцин знал, конечно, что женился на исключительной женщине: красавица, умница, талантливый художник-реставратор. Но, влюбившись влет, не мог представить, что ему *настолько* повезет: оглушительным довеском ко многим достоинствам его молодая жена обладала главной женской добродетелью – искренней добротой. В память Гуцина навсегда врезался момент: его тогда еще невеста, в длинном домашнем сарафане, стоит возле окна, августовское солнце пробивает легкую ткань. Янина наливает кофе и внезапно говорит: «Как думаешь, может быть, после свадьбы мы останемся жить здесь? Вместе с мамой. Одной ей будет скучно».

Гуцин тогда, помнится, едва не поперхнулся бутербродом. Он уже полтора месяца мучился от растерянного вида мамы, которая то и дело шмыгала носом и прятала слезившиеся глаза. Маргарита Павловна готовилась к свадьбе, была безумно рада за сына и обожала его невесту, но также матушка готовилась к его отъезду. И к одиночеству.

Янина продолжала: «Представь, как будет хорошо: мы оба приходим с работы в дом, где пахнет вкусным ужином, где нас ждут, где нам все рады – Маргарита Павловна и Зойка. – Зойка была такой Гуциных. – Мне бы хотелось жить здесь, правда-правда! Если ты, конечно, не против. А мою квартиру мы можем сдавать». Невероятно. Молодая жена, с мудростью пожилой дамы, предлагала мужику жить вместе с его мамой и так оборачивала дело, как будто еще и уговаривает! Намекает, мол, свекровь избавит ее от бытовых проблем, хотя эти заморочки дочка Львовых способна решить элементарно – озаботившись прислугой. Но Яна деликатничала. *Уговаривала* разом решить несколько проблем: с готовкой, тоскующей мамой и тревогой Гуцина о том, как долго любимая женщина будет мириться с его хроническим отсутствием и занятостью. Махом снимала денежный вопрос. (Майор юстиции, конечно, получает вовсе не копеечную зарплату, но где ему тягаться с бизнесменом-папой Львовым?)

В общем, исключительно благородная подача «мне хотелось бы жить здесь, если ты не против» пронзила Гуцина насквозь. До дрожи в печени и селезенке.

Ну а сегодняшние пули в голове так – чепуха. От Яны, по большому счету, прилетели две дробинки.

Майор прошел на борт самолета, занял кресло в салоне бизнес-класса (билетов попроще даже по брони не нашлось) и постарался расслабиться. Перестать думать об оставленных любимых женщинах и настроиться на дело.

В кармане Гуцина тренькнул телефон, сообщая о приходе СМС, Стас достал аппарат и прочитал отправленное Вахмистровым послание: «Начиная с выходных в „Элладу“ заселились три мужика. В соседний отель поселили оперативника Александра Медведева, решили, что так будет лучше. Ты его легко узнаешь, он рыжий».

Гуцин усмехнулся: хорошим мужиком оказался Толя Вахмистров. Когда незнакомый ему товарищ влетел на место происшествия и гаркнул: «Отставить, не звонить!», подумал, прежде чем наехать.

Хотя тут, может быть, сыграло своевременное воцарение в гостиной вскарабкавшегося на третий этаж предынфарктного Коростылева, повторившего вопль Гуцина «отставить!». Подполковник быстро расставил все по полкам и чинам. А позже дал солировать майору и не перебивал, когда Стас пытался облечь туманное озарение в удобоваримую словесную форму. Гуцин вылавливал на ощупь зерна и нити, выстраивал логическую цепь, заставившую его броситься в квартиру потерпевшей и заорать на капитана Вахмистрова.

Четыре следователя – два районных и два городских – вполголоса беседовали на кухне, подальше от ушей оставшихся в гостинной понятых.

– Фермер впервые разгромил квартиру, избил жертву и изменил картину места преступления, – медленно говорил майор. – Могу предположить, он что-то здесь искал. Свет, навскидку, что, кроме телефона, пропало из квартиры?

– Не знаю. Шкатулка с драгоценностями вытряхнута на туалетный столик, но, пропало ли что-то из колец-сережек, пока сказать не могу.

– Во-о-от, – глубокомысленно изрек Гушин. – Имеем право предположить, что он искал браслет? Имеем. Браслет он дарил жертвам перед самой смертью, но потом обязательно его забирал. То есть эта цацка имеет для него значение и включена в сценарий. Психопатом включена, отмечу, такие от сценариев не отступают. Две недели назад у него не получилось расправиться с Ириной, помешал шофер, но браслет был уже подарен и потому остался у Зотовой. Так? Потом Илья сюда вернулся... но браслет был уже в Сочи вместе с Мыльниковой. Что, вполне вероятно, и привело его в ярость. – Стас поглядел на Иванову. – Свет, кстати, а как вообще получилось, что Зотова отдала подружке подарок любимого мужчины?

Старший лейтенант впервые за последние полчаса кривовато усмехнулась:

– А это надо Мыльникову знать. Сорока, помешана на камушках. Когда Зотова ее уговаривать начала...

Реанимировать роман с Артуром Марина не хотела зверски. Пару лет назад она его с трудом потушила в связи с бесперспективностью: Артурчик выгодно женат и безнадежно многодетен. Но надо знать и Зотову: упорства в достижении любыми средствами ей не занимать. Одалживать могла. И когда моральные резоны, вроде «помоги, любимая подруга», исчерпались, пошла на подкуп.

Но Мыльникова тоже оказалась той еще штучкой, затребовала в качестве стимула серебряный браслет. Пофорсить перед отставленным любовником пару дней, пока подружка не придет. Лучшая.

– Они всегда так: кто кого согнет. Игра такая. Сегодня ты меня обштопала, но завтра я тебя обставлю. А я у них за арбитра была. Единственного, посвященного.

В нескольких коротких предложениях уместились жизнь и смысл. Гушин мысленно нарисовал картину: три институтские подруги, первые красотки. Но две – подобию, огонь и тяга к постоянному соревнованию (иначе скучно-пресно жить), а третья – трезвомыслящая, лед. Зачем Светлана им была нужна – понятно. Самой стойкой девушке нужна наперсница-жилетка, к которой можно прийти пожаловаться или похвалиться. Зачем Свете вечно соревнующиеся подруги, тоже, пожалуй, ясно. С таким жизнь как взрыв искрящейся петарды.

– Мы отвлеклись, – напомнил Коростылев. – С тем, что Фермер может постараться вернуть ценный для него браслет, я согласен. Какие мероприятия будешь назначать, майор?

Тон подполковника звучал начальственно, но бразды правления операцией шеф уже отдал человеку, несколько месяцев разрабатывавшему серийного убийцу и успевшему его почувствовать. Приблизиться к портрету.

– Перехожу к сути, – кивнул Стас. – Я, господа-товарищи, практически уверен, что мы впервые вышли на местожительство Фермера. Ирина его вычислила. Фермер потому ее и бил, что испугался. Беситься он начал, видимо, с того, что на Ирине не было браслета, и Зотовой пришлось сознаться: она намеревалась искать Илью в Сочи и вручила браслет Мыльниковой как взятку. Могу предположить, призналась не сразу, и Фермеру пришлось допытываться правды. Избивать. А правда, судя по всему, проняла его до печенок. Илья собрал все улики, что связывали его с прежними убийствами... – Гушин, сделав паузу, поглядел на внимательных слушателей. – Ведь почему он так поступил? А потому, что Сочи – его лежбище. Он испугался, что на него выйдут, и изменил картину. И следовательно, поднимать в отеле шум – опасно. Нужно тянуть время и поддерживать в убийце уверенность: тело Зотовой еще не обнаружено.

Как только он поймет, что началась его разработка, то сорвется из Сочи и ляжет на дно. Я правильно говорю, Анатолий Николаевич?

– Похоже на то, – согласился подполковник. – Упустить такой момент нельзя категорически.

– Предлагаю вылавливать Фермера на живца, – мрачно сказал Гушин. Старший лейтенант испуганно хлопнула ресницами, и Стас определился: – Не на твою подругу, Света, на браслет. Фермера интересует прежде всего цацка.

– Почему ты в этом так уверен? – попросил налить конкетики Коростыл ев.

– Потому что телефон пропал. Сама по себе Мыльниковы Фермера не должна интересоваться, она его не видела, не знает... – Стас задумчиво поглядел в окно, за которым трепетали макушки невысоких лип. – Ему нужна – цацка. А добраться до нее можно только через Марину. Он потому и прихватил телефон, что на него могут приходить сообщения от Мыльниковой. Где она, что делает, если ушла из отеля, то куда... И кроме прочего, Фермер не знаком с Мариной, а в телефоне наверняка есть ее фотографии. Так, Светлана?

– Да.

Стас заметил, что старший лейтенант мнется. Явно хочет о чем-то спросить, но не решается перебивать старшего по званию в присутствии его начальника.

– У тебя есть какие-то мысли, Света?

– Есть. Убийца видел в квартире аквариум. Он знает, Зотова собиралась уезжать, то есть ее отсутствие могут долго не заметить. Подумают – уехала. Но если в доме есть хоть какая-то живность, то кто-то должен ее кормить, так?

– Толковое замечание, – согласился Стас. – Но будем надеяться на обычную человеческую логику. Как правило, ключи от квартиры оставляют соседям перед самым отъездом, а не коллегам по работе, как было в нашем случае. Соответственно, Фермер рассчитывает, что успеет потихоньку добыть браслет, пока в Москве не подняли шум. – Гушин поглядел на капитана. – Толя, свяжись с мобильным оператором, пусть определяют по биллингу, где в последний раз активировался телефон Ирины.

Тезка подполковника отошел в угол кухни и достал мобильник. Коростылев уже сказал капитану Вахмистрову, что тот войдет в создаваемую группу по разработке Фермера. Главным в группе будет Гушин.

– Света, задание для тебя. Позвони какой-нибудь родственнице Мыльниковой, лучше маме, и узнай, когда Марина в последний раз выходила на связь.

– Я уже пробовала, но Наталья Андреевна трубку не взяла. Она на даче, могла работать в огороде и не услышала звонок.

Светлана вышла в прихожую, Стас глянул на начальника.

– Теперь по Сочи, Анатолий Николаевич. Надо связаться с тамошними ребятами и узнать о происшествиях по Сочи с девушками. Если все тихо, слава богу. Если есть похожие случаи, отправляем фотографию Мыльниковой.

– Надо кого-то в отель направить.

– Конечно. Но к отелю надо подойти на мягких лапах, а от всех сочинских оперативников за версту тянет местными уроженцами – они ведь загорелые дочерна. Надо попросить ребят, чтоб выделили оперативника побелее, пусть представится отпусником. – Стас невесело поскреб в затылке. – У Ильи было сразу две визитки этого отеля, он может оказаться тем, кто там работает, или даже владельцем. Не исключено, Фермер визитки брал, чтоб раздавать их потенциальным постояльцам. Зотова, кстати, об этом же подумала.

– Согласен. Попрошу направить наименее загорелого...

– ...и ловкого, артистичного парня! – добавил Гушин. – Фермера нельзя спугнуть. У таких чутье – звериное.

Майор повернул голову к заходящей в кухню Ивановой. В том, что дела как нельзя плохи, догадался по лихорадочному блеску ее глаз.

– Наталья Андреевна не может дозвониться до Марины с вечера воскресенья. Та трубку не берет и не отвечает на сообщения.

– Паршиво. – Стас переглянулся с шефом. Исчезновение Мыльниковой с вечера воскресенья наводит на нехорошие мысли: Фермер мог добраться до Сочи уже тем утром. – Будем звонить в отель, – решил Гушин. – Светлана, все помнишь? Спокойно, без нервов, по делу. Поставь телефон на громкую связь.

Старший лейтенант расправила зажатую в ладони записку с номером «Эллады». Этот телефон сообщил коллега Вахмистрова (Толя как раз звонил ему с поручением, когда ворвавшийся в квартиру Гушин заорал: «Отставить!»). Телефон Зотовой с фотографией визитки отеля забрал убийца, но сотрудник капитана поработал с Интернетом и установил контакты «Эллады».

Иванова набрала номер гостиницы. Прочистила горло легким покашливанием и заговорила очень уверенно, тоном занятой женщины:

– Здравствуйте, отель «Моя Эллада»?

– Да, здравствуйте, вас приветствует город Сочи, отель «Моя Эллада»! – В жизнерадостном мужском голосе слышался легкий акцент, и Гушин автоматически нарисовал себе его обладателя. Название отеля с первого момента подарило майору предположение, что владелец – этнический грек. Улыбчивый гостеприимный бодрячок с округлым брюшком и волосатыми руками, голос звучал сочно, вкусно.

– У вас остановилась Марина Мыльникова, – утвердительно сказала старший лейтенант. – Я не могу до нее дозвониться по мобильному телефону, вы не могли бы мне сказать, где она? У нас запарка на работе.

В телефоне воцарилась неловкая пауза. А когда грек заговорил, то голос его потерял средиземноморскую веселость:

– Марины нет. Видите ли... она ушла в воскресенье на прогулку... нарядно оделась.

– И ее до сих пор нет?! – Света задала вопрос не испуганно, а возмущенно, как женщина, которой отсутствие коллеги добавило проблем.

– Ну, так бывает... – Грек замямлил. – Сочи, курорт, романы... Марина не выписывалась. Стас скрестил в воздухе руки, показывая Светлане, что стоит заканчивать разговор.

– Если Мыльникова появится, – сухо выговорила старший лейтенант, – пускай сразу же позвонит на работу. Ивановой. До свидания.

– Всего хорошего! Приезжайте в гос...

Следователь не дала хозяину договорить и оборвала разговор на полуслове, Стасу показалось, что она вот-вот грохнется в обморок. Гушину до невозможности было жаль эту красивую девушку, оказавшуюся отличным профессионалом: Свете хватило нескольких минут, чтобы понять – браслет, сфотографированный незнакомой покойницей, несет опасность и второй ее подруге.

Стас поглядел на мрачного подполковника. Обсуждать очевидное было незачем.

– Ну что же... жребий брошен, – решительно сказал майор. – Мне по-любому придется выезжать в Сочи. Да, Анатолий Николаевич? Командировку мне выпишете, закажете билет на ближайший рейс? Я поеду домой собираться.

Шеф медленно и задумчиво покивал лобастой головой. Стас поглядел на подходящего капитана.

– Толя, на тебе мероприятия по Зотовой, я на связи, будут какие-то известия от экспертов – звони. Света, соберись. На тебе любовник Мыльниковой – Артур. Его телефон у тебя есть?

– Если б был, – кисло выговорила Иванова, – я б ему уже давно позвонила.

– Понятно, прости. Ищи его. Созванивайся. Они могут быть вместе. Толя, мне самому бронировать для себя номер в «Элладе» или ты сделаешь?

– Сделаю, – кивнул капитан. – Забронирую по Интернету, а не по телефону, чтоб твой голос не спалить.

– Да, это правильно. Если в отеле нет свободного номера, определись по месту и закажи номер в ближайшем, хорошо?

– Угу. Я свяжусь с сочинцами, тебя встретят в аэропорту.

– Спасибо. Но лучше пускай это сделает Анатолий Николаевич.

Стас выразительно поглядел на подполковника и друга. Звонок от крупного столичного начальника произведет больше впечатления, сочинцам надо как следует объяснить, с каким преступником они имеют дело. Фермер думает на пять шагов вперед, он ни разу нигде не засветился, убийства, как подозревал майор, он совершает с отсрочкой, после того, как в ресторане, где проходило первое свидание с жертвой, наверняка стерли запись с камер видеонаблюдения. В подъезды, где жили убитые девушки, Фермер заходил либо под зонтом, либо в широкополой шляпе, и под их камерами тоже не светился. О нем известно только то, что он мужчина нормального телосложения, выше среднего роста и – все.

На него впервые удалось хоть как-то выйти, профукать этот шанс нельзя и непростительно.

...Самолет пошел на взлет, Гуцин, вскользь порадовавшись комфорту бизнес-класса, положил ноутбук на столик перед собой и начал работать с подборкой информации, отправленной капитаном Вахмистровым. Как и ожидалось, владельцы мини-отеля «Моя Эллада» были зарегистрированы практически во всех сетях, где расхваливали свое детище перед потенциальными гостями. Помимо информации о владельцах, капитан отправил Стасу список новоприбывших постояльцев «Эллады». Как он его получил, капитан не сообщил, но Гуцин надеялся, что оперативник Александр Медведев, наведавшийся в отель, сильно не напорточил. Информацию собрал тихонько, вроде как интересуясь условиями проживания и контингентом.

То, что сочинцы вняли просьбе и отправили в «Элладу» рыжего, скорее всего, не шибко загорелого товарища, довольно-таки окрыляло.

В Сочи Гуцин был однажды, в босоногом детстве. Название местечка, где проживал с родителями в частном секторе, он не запомнил. В память врезался лишь пляж и проходящая над ним железная дорога. Деятельная Маргарита Павловна возила сына на экскурсии, и, как тогда почудилось семилетнему мальчишке, железная дорога была в Сочи – везде. (Уже немного позже на школьника Гуцина произвел впечатление географический комплимент курорту: безразмерно длинный город Сочи вмещал в себя несколько Люксембургов.)

Как показала Стасу карта, присланная Вахмистровым, железная дорога проходила и неподалеку от мини-отеля «Моя Эллада», но Гуцин отправился туда не отдыхать. Окраина отдаленного от Большого Сочи поселка, где располагался мини-отель, на фотографиях выглядела живописным райским уголком, а дебри субтропических деревьев способны радовать отпускников, но никак не человека, отправившегося на розыски серийного убийцы. Растительное буйство, прямо скажем, огорчало. Майор бы предпочел, чтобы «Эллада» стояла на вылизанном плиточном пятачке с единственной простреливаемой беседкой, без всяческих скамеек и кустов.

* * *

В аэропорту Гуцина встретил усатый пожилой мужчина с внешностью типичного таксиста. Усача майор нашел взглядом среди толпы встречающих – Вахмистров отправил в Сочи фотографию майора, и таблички с его именем «таксисту» не понадобилось. Гуцин встретился

взглядом с загорелым мужиком, покручивавшим на пальце брелок автосигнализации, и понятиливо пошел за ним. Познакомились коллеги уже на парковке перед зданием аэропорта. Гушин, обычно державшийся слегка официально и обращающийся ко всем подследственным и большинству сотрудников на «вы», по имени-отчеству, здесь изменил привычке: сам предложил капитану Дмитрию Остапченко упрощенный вариант общения. Сел в неплохой «фольксваген» и попросил отвезти его в винный магазин, где можно купить греческий коньяк «Метакса».

Остапченко поинтересовался, почему именно «Метаксу»? Он может отвезти к знакомому виноделу, где можно взять отличного домашнего вина. Коньяк нужно пить в Первопрестольной, а здесь лучше побаловать себя чем-то исключительным.

Но Гушин поблагодарил и отказался. Коньяк ему потребовался для налаживания контакта с хозяином мини-отеля. Разглядывая в самолете фотографии владельцев «Эллады», выложенные в Сеть, майор отметил, что на столе в уютной зеленой беседке пару раз появлялась узнаваемая бутылка. Следователь Гушин, разумеется, никогда не работал по внедрению, но некоторые правила все же знал: при первом контакте с объектом видеоряд имеет грандиозное значение! Купив греческий коньяк, Стас попросил продавца положить коробку в прозрачный пакет.

Остапченко, увидев красную коробку со звездами, саркастически хмыкнул, но комментария не сделал. Он вообще оказался нетипично для южан немногословным. Говорил, лишь отвечая на вопросы Гушина.

Что, надо отметить, его пассажира вполне устраивало. О том, что никаких особенных известий нет, майор узнал, позвонив по прилете Вахмистрову. Местного капитана Стас лишь немного расспросил об оперативнике, что поселился в отеле поблизости от «Эллады». Ну и об особенностях колорита, так сказать.

Остапченко проявил себя завзятым краеведом, дал краткие советы относительно пляжа, общепита и прочих значных заведений. Рекомендовал наведаться в дендрарий... но, когда уловил искоса брошенный взгляд москвича, приехавшего сюда отнюдь не с экскурсионными целями, опомнился и молчал почти весь следующий час, потребовавшийся на дорогу к неблизкому поселку.

Стас пристроил затылок на удобном подголовнике и стал глядеть на открывающиеся виды моря и растительного буйства. В какой-то момент душераздирающая красота пейзажа заставила его сказать:

– Красиво тут у вас, Дима, просто офигеть. Завидую, в раю живете.

* * *

Ни одна фотография и справка не в силах передать жизнелюбивого радушия потомка эллинов, родившегося на курорте (будь то Сочи, Корфу или Родос). Гостеприимство и темперамент Георгия Анастасовича сбивали с ног. Поздоровавшись с Гушиным возле калитки и выхватив у майора раздутую, но легкую сумку, грек Покату – тас с искренним огорчением причмокнул:

– Э, и зачем же, Станислав Петрович, такси-то брали? Я бы вас встретил, я бы привез. Знаете, как кое-кто мою фамилию расшифровывает? – Хозяин «Эллады» плутовато подмигнул: – «Пока тут ас». Ас, понимаете! Я тачку вожу как бог!

О легендарном хвастовстве потомков эллинов Стас откуда-то слышал, но воочию за процессом наблюдал впервые. Руководимый широким жестом Анастасовича майор прошел на территорию отеля, в снаряженный четырьмя пулями и чуть ноющий затылок била автоматически-скорострельная очередь «пока тут аса»:

– Мои хоромы, мой уголок, моя гордость... Как вам шпалерная роза?

– Шикарно.

Предзакатное солнце освещало произведение садово-паркового искусства: фронтальный садик мини-отеля «Моя Эллада» вызвал бы острый до самоубийства приступ зависти у садовода-дачника из Подмосковья. Ровные лужайки и незнакомые великолепные цветы, посередине аккуратной лужайки миниатюрный фонтанчик со скульптурой (по мотивам греческой мифологии, разумеется). На какой-то момент Стасу показалось, что девушка, стоящая на морской раковине, мраморная. Но, приглядевшись, он заметил, что отбитый мизинец на ноге выдает в скульптуре пустотелый пластик. Прикрывшая грудь Афродита с ласковой полуулыбкой взирала на пену зеленых растений, прихотливо очертивших извилистые гравийные дорожки.

Но, впрочем, Стас был готов к тому, что здесь увидит, – рекламируя детище, Покатутасы выложили в Интернет добрую сотню фотографий. И сейчас майора детище семьи греков интересовало больше как укрепрайон. Довольно просторный для обычного домовладения двор с четырех сторон огораживал трехметровый забор. Абсолютно гладкий, что немаловажно, он упирался тылом в склон горы с единственным строением, едва виднеющимся в буйных джунглях. Подворье, как знал Стас, имело неправильную форму, за трехэтажным отелем располагался небольшой плодовый садик, имевший ответвление-аппендикс. В стиснутом забором пространстве, отгороженном от соседей – таких же владельцев мини-отелей, или, как сейчас принято говорить «гостевых домов», – росли черешни, вишни, груши и много чего еще. Греки гордились этим садиком невероятно, предлагали гостям лакомиться его плодами.

Забор майора впечатлил, но располагавшиеся за ним мини-отели его не интересовали совершенно. В кармане Ильи были визитки «Моей Эллады», а ни один конкурент не будет распространять их в качестве рекламы.

Не вслушиваясь в болтовню Георгия Анастасовича, майор оглянулся на ворота и увидел торчащую над фронтальным забором свечку современного отеля с голубоватым застекленным фасадом. В застеклении была одна-единственная прореха. Все прочие постояльцы берегли кондиционированную прохладу номеров и закрывали остекление на лоджиях, но один безумец все-таки нашелся: на балконе верхнего этажа, опираясь о перила, стоял мужчина и покуривал. Визирал с высоты на недалекую «Элладу».

Гущин и с дистанции двухсот метров определил, что волосы у мужика – ярко-рыжие. Оперативник Медведев мудро отказался от заселения в «Элладу», где сегодня уже и так одинокий мужчина-постоялец появится, грамотно выбрал «свечку» в качестве наблюдательного пункта. Двор греков с верхотуры просматривался великолепно, а изнутри за «Элладой» и Гущин приглядит. Достаточно.

Медведев мотнул рыжей головой. Затухил сигарету в блеснувшей под солнцем стеклянной пепельнице и скрылся внутри лоджии. Дистанционный контакт с приезжим майором состоялся.

Пока Стас разглядывал новехонький отель, Георгий Анастасович успел расстроиться. Сегодня от Покатутаса в высотку уже улизнул потенциальный рыжий заселенец; переживая, что сорвется и москвич, зарезервировавший самый дорогой номер, грек презрительно причмокнул и махнул рукой:

– Э, разве там уют устроят, а? Суета, толкотня, шеф-повар – бестолочь...

– Меня не интересуют толкотня и суета, – оборвал его майор. – Я приехал сюда отдохнуть и поработать. Подумать в тишине. – Стас знал, что производит впечатление медлительного вдумчивого интеллигента.

– О, это к нам! – Обрадованный грек двинулся к огромной стеклянной двери холла. – Вы попали куда надо! Я сразу догадался: вы понимающий человек, знаете толк в тишине и комфорте...

Еще бы, усмехнулся Гущин. Вахмистров зарезервировал единственный в мини-отеле полноценный люкс. И совсем не потому, чтобы майор с комфортом проживал. Причина была

иной, рабочей: ознакомившись с рекламной видеосъемкой «Эллады», капитан выяснил, что лишь этот двухкомнатный номер имеет не только вид на море, но и позволяет приглядывать за внушительной частью озелененной территории. А кроме прочего, на третьем этаже «Моей Эллады» находился одноместный номер-стандарт Мыльниковой. Все остальные апартаменты второго и третьего этажей были заняты. Один из них по предоплате до сих пор ожидал прибытия Ирины Зотовой.

Майор вошел вслед за хозяином в прохладный холл, оформленный в стиле греческой террасы – с растениями в кадках и мозаичными стенами, по которым бежали древние обнаженные олимпийцы. Покатутас пристроил сумку Гущина на плетеном кресле из ротанга, шустро обогнул стойку регистрации и надел на крупный нос очки. Улыбнулся, предъявляя постояльцу золотой зуб – верхний левый клык.

– Нуте-с, приступим к оформлению.

Стас поставил на конторку пакет с прекрасно просветившейся коробкой «Метаксы». (Клык засверкал еще радушнее.) И, достав из кармана паспорт, протянул его Георгию. Покатутас зашуршал страничками:

– Так, так, вы у нас на полный пансион, да?

– Да. По ресторанам и барам я ходить не буду. Я переводчик, – не откладывая дела в долгий ящик, представил Стас легенду. – Специализируюсь на хинди и урду.

Подготавливая платформу для внедрения, майор намеренно выбрал малоинтересные для грека языки. (Иначе можно нарваться на просьбу помочь в разработке рекламного призыва для иностранцев, а в языках майор, признаться, был не особенно силен.)

– Много лет перевожу индийских и пакистанских авторов, и тут... – Стас смущенно улыбнулся глянувшему на него поверх очков Покатутасу, – решил. Хочу сам что-то написать. Попробовать.

Карий глаз поверх оправы подмигнул.

– Любовное? Или историческое?

– Любовную историю, – чувствуя, что натурально краснеет, промямлил «переводчик». – В курортном стиле, знаете ли, что-то захватывающее, с приключениями... Вот только не знаю, получится ли? Я, как бы это сказать, не слишком опытен в курортных приключениях. Надеюсь почерпнуть что-то из личных впечатлений знающих людей...

Карий взор Покатутаса на одно мгновение переметнулся на выразительный пакет с «Метаксой». Полные губы растянулись в многообещающей улыбке. Анастасович, как почудилось Гущину, даже тихонько застонал от предвкушения – папа «Эллады» печенью почувствовал, что сегодня его ждет нескучный вечер под коньяк.

Стас верно сделал ставку. Практически все греки словоохотливые рассказчики, ничего тянуть клещами не придется, историй Покатутас набросает – успевай ловить! И поворачивать в нужную для себя сторону.

Как это сделать, Стас уже решил: он намекнет рассказчику, что у слушателя плоховато с воображением, и попросит говорить не о каких-то умозрительных гостях и дальних родственниках, а о тех, что перед глазами: нынешних посетителей-завсегдатаях и друзьях-соседах. Вроде бы так неумелого писателя лучше материал цепляет. Расспросы, как надеялся майор, не покажутся подозрительными.

А что касается первостепенного, то как возможного подозреваемого Стас грека совершенно не рассматривал. Не тот типаж. И возраст на излете. Покатутаса можно рассматривать лишь как источник информации, чему приобретенная «Метакса» очень поспособствует.

Грек проводил Гущина до номера, сказал, что через полчаса ждет его на ужин, и деликатно удалился из большой гостиной с мягкой кожаной мебелью, плоским телевизором и прочими люксовыми прибабасами. На охристо-желтой стене висела большая репродукция картины с изображением каких-то древнегреческих развалин. Но Гущина интересовала лишь

действительность: откинув прозрачную складчатую занавеску, Стас вышел на балкон и поглядел на море, на недалекое остекленное строение, лишившееся единственной прорехи.

Медведев, судя по мгновенно зазвеневшему в кармане Гущина телефону, продолжил наблюдение за «Элладой». Едва московский гость вышел на довольно длинный балкон, телефон потребовал внимания.

– Здравия желаю, Станислав Петрович, – раздался из мобильного приятный баритон. – Старший лейтенант Медведев на проводе. Как расселились?

– Замечательно. Саш, – сокращая дистанцию общения, попросту обратился майор, – как ты получил данные новых постояльцев?

– Мне удалось выпроводить Покатутаса из холла и сфотографировать записи в книге регистраций. Не переживайте, Станислав, все сделал – комар носа не подточит. Новичков, появившихся в отеле за эти выходные, мы уже пробили, данные должны отправить вам на электронную почту.

– Да, да, – пробормотал майор, – мне что-то поступало, гляну. Своими словами, Саша: кто они, откуда, возраст...

Медэксперт Таня уже более конкретно установила время смерти Зотовой как поздний вечер субботы, и, соответственно, майора интересовали постояльцы, заселившиеся в «Элладу» начиная с ночи субботы на воскресенье. Мужчин-новичков в отеле на двенадцать номеров оказалось трое, но никто из них не приехал в одиночестве. Сергей Панкратов прибыл из Воронежа вместе с девушкой, два брата-питерца Борис и Олег Антоновы заняли двухместный номер.

– Мы их пробили по паспортным данным, – сообщал Медведев, – вроде бы все ровно: они те, за кого себя выдают. Борис – судостроитель, инженер, тридцать один год, холост. Его младший брат Олег – студент-медик. Панкратов непонятно кто, мы устанавливаем. Последнее место работы полуторагодовой давности: бармен московского ресторана «Лидия». Есть данные по его девушке, интересуется?

– Да.

– Девушка занятая. Всех фигурантов мы пробили по нашим базам – никто нигде не засветился. Но вот Алина Игоревна Святозарова задерживалась в Воронеже за проституцию. Было это, правда, три года назад, но зато дважды.

– Устанавливайте Панкратова, – жестко произнес майор, подумав, что Фермер мог взять с собой проститутку в качестве прикрытия. – Он раньше уже останавливался в «Элладе»?

– Пока не ясно.

– Хорошо, я сам попробую узнать у Покату – таса. Еще новости есть?

Нет.

– Тогда отбой. И вот что, Саша... Пока я здесь за всем приглядываю – проветрись, не сиди в номере как проклятый. Нельзя выделяться, понимаешь?

– А я градусник у горничной попросил, – хмыкнул Медведев, – а потом аспирин. Чихаю на весь этаж, все думают, что я приболел.

Гущин мысленно поблагодарил сочинцев за ловкого помощника и, закончив разговор, перенес дорожную сумку в спальню, где рассредоточил вещи в шкафу и прикроватной тумбе. Достал из сумки косметичку с «мыльно-рыльными» принадлежностями и наведалься в шикарную ванную комнату, где одну из стен украшало мозаичное панно с веселыми дельфинами.

Вернулся в спальню и навзничь, широко раскинув руки, лег на укрытую атласным покрывалом кровать. Разглядывая потолок с лепниной, думал о том, что по возрасту в Фермеры годится и Борис Антонов. То, что он обычный инженер, роли совершенно не играет. Хорошим технарям сейчас платят не хуже, чем юристам, которых – пруд пруди. Все московские убийства Фермер совершал на выходных, от Питера до столицы получится за несколько часов добраться, но напрягал момент: Фермер проявлял активность осенью-зимой-весной, но никогда не убивал

летом, когда в Сочи открывался курортный сезон. Убийство Зотовой – исключение. Марина, как предполагал майор, должна была умереть в начале июня, а не в его конце.

...С улицы донеслись голоса вернувшихся к ужину постояльцев: какая-то мамаша угаривала раскапризничавшуюся Варвару отдать ей полотенце, девочка почему-то упрямилась. Тишину в отеле Покатутас зря пообещал: через минуту под окнами люкса рыдала Варечка, ей вторил голос еще одного малыша, наверное братишки. Накупавшиеся до изнеможения дети устали и вредничали.

Стас пружинисто вскочил с кровати. Подошел к большому зеркалу, висевшему напротив окна, и придирчиво себя оглядел: порядок. Майор не относился к тем коллегам, в которых каждый урка мгновенно узнавал слугу закона. От нескольких поколений образованных предков Гушину досталась породистая внешность вузовского преподавателя. Что, к слову сказать, привлекало к нему противоположный пол: природная мягкость, незлобивость сквозили в каждом жесте коренного москвича. Стас слышал, как подруги говорили Янине, что ей на редкость повезло найти спокойного мужика без богемных выкрутасов.

Майор нацепил на нос необязательные очки в тонкой позолоченной оправе и вышел из номера – сегодня он играл роль книжного червя.

На большой террасе-столовой уже ужинали некоторые постояльцы «Эллады». Зареванная десятилетняя Варя уплетала жаркое из мяса и баклажанов, ее трехлетний братишка ковырялся ложкой в чем-то напоминающем суфле. За ужинающими детьми наблюдала невероятно толстая мама в ситцевом сарафане и выставленных из-под стола шлепанцах вполне мужского размера. Маме было жарко, душно, попивая из высокого запотевшего стакана черешневый компот, она обмахивалась веером.

За угловым столиком сидела чинная семья из мамы, папы и двух подростков-близнецов с облупившимися носами. У ограждения террасы любезничала парочка. (Судя по крепкому загару, это не могли быть недавно прибывшие воронежцы.)

Одновременно с Гушиным на террасу зашли два молодца спортивного телосложения и схожего облика. Стас догадался, что это братья Антоновы. Старший, Борис, напомнил Стасу голливудского актера Джорджа Клуни, и Гушин тут же припечатал его матерым бабником. Младший братишка-медик еще не так заматерел, но повадки имел многообещающие: на любезничающую с кавалером девушку так посмотрел, что та уткнула нос в тарелку и запылала ушами.

«Блудить сюда приехали, котяры», – разглядывая шумно усаживающихся за соседний стол питерцев, подумал Стас. И отметил, что кожа медика Олега имеет типичный для северян бледный оттенок, а вот Борис щеголяет отменным загаром на тугих бицепсах. Цвет, правда, не был золотистым, а отдавал в кирпич: похоже, Борис готовился к курортным приключениям в соляриях. А Зотова, описывая Илью, утверждала, что у того загар был определенно приморским. Вряд ли опытная столичная красавица могла перепутать «ламповый» загар с полученным на побережье.

Но интересно, интересно... Старший Антонов стопроцентно попадает в амплу завязатого донжуана. На такого могла клюнуть любая из жертв Фермера.

Борис заметил интерес, с которым его разглядывал новичок за соседним столиком. Победно улыбнулся, и интеллигент-очкарик мигом отвлекся на подходящую к нему мадам Покатутас.

Питанием в «Элладе» руководила непередаваемо колоритная Венера Аристарховна, воплотившая в себе все, что Гушин знал о женщинах-гречанках. Густые брови намекали, что Венера Аристарховна сбрасывает усики, на бронзовом лице царствовал великолепный нос, глаза цвета спелой сливы излучали темперамент и веселый нрав.

– Добрый вечер, Станислав Петрович, – радостно поприветствовала новичка гречанка, чем, кстати, представила его другим гостям. – Сегодня у нас на ужин...

Ужин был обильным и многосторонним. Для слабых желудков Венера предлагала салат и умеренную запеканку, для тех, кто крепче духом, приготовила острое блюдо из тушеного ассорти всевозможных овощей и говядины. Назвала его мусакой.

Голодный Стас подумал и выбрал это блюдо.

О чем не пожалел. К мусаке подали великолепный салат с фетаксой. К нему же предлагался бокал местного вина на выбор (майор предпочел сухое красное). К моменту, когда Стас, не в силах оторваться, вылизывал хлебной корочкой с тарелки остатки огнедышащего соуса, на террасе появился приодетый к вечеру «Пока тут ас». Грек поменял шорты на приличные хлопковые штаны, шлепанцы сменил на сандалии, футболку – на рубашку в гавайском стиле, в пальмах. К тому времени на террасе остались только папа и мама обгоревших близнецов. (Мальчишки сидели у фонтана с пенорожденной Афродитой и терпеливо запихивали в дырочку на мизинце статуи сухие травинки.) Полнотелая мамаша увела Варвару и ее братишку – баиньки. Парочка и два котяры – испарились.

Панкратов и его подозрительная девушка на ужине так и не появились.

Георгий Анастасович галантно раскланялся со скучными родителями трудолюбивых близнецов. И несколько замялся, прежде чем шагнуть конкретно к Гущину.

Стас догадался, с чем связана заминка: хозяин не хотел навязываться. Новоприбывший гость, вероятно, устал от перелета, и не было понятно, имеет ли желание к беседе, поскольку славная «Метакса» не светится маяком на столике, не приглашает в гавань бухты «Уютная неторопливая беседа интеллигентного недотепы и много знающего пожившего мужчины».

Стас вякнул:

– Георгий Анастасович... если вы не заняты... – Тихонько скрипнул ротанговым креслом, как бы освобождая место за столом, что, за отсутствием «Метаксы», послужило сигналом «милости прошу». – Не знал, как и что у вас тут принято... Может быть, зона трезвости? – Майор смущенно хмыкнул. – Хотите, поднимемся ко мне, у меня есть чем, простите, угоститься.

Хозяин личной Эллады произвел широкий жест, выразившийся в нескольких приставных шагах до тумбочки, где лежали булочки, салфетки, зубочистки и прочая ресторанная чепуха. Раскрыл дверцы и в лучшей манере циркового фокусника, выдернул из шкафчика непечатую семисотграммовую бутылку «Метаксы».

– Сегодня угощаю – я! Галина Федоровна... – галантно поклонился задержавшимся супругам, – Виктор Архипович, присоединитесь к нам?

Усохшая постная Галина Федоровна поглядела на бутылку, а не на Анастасовича. Но от такого неприязненного взгляда, прямо скажем, не у бутылки, а у любого нормального мужика открылась бы язва. Что в случае отужинавшего диетической запеканкой Виктора Архиповича было догадкой, не лишенной основания.

– Простите, мы откажемся, – сказала женщина, похожая на богомола, и встала из-за стола. – Виктор?

Мужик уныло потащился за благоверным насекомым. «Пока тут ас» чуть слышно прошептал:

– И слава Бахусу.

Новый гость и фокусник-владелец остались в компании единоверцев.

Что лучше всего объединяет людей?

Общие пороки.

И дивный вечер побережья.

«Пока тут ас» разлил по первой. Стас с пониманием понюхал бокал. Причмокнул и макнул в коньяк губу.

Грек оценил неторопливую манеру ценителя. Дождался, пока гость удовлетворенно кивнет, и осушил бокал.

Гущин «Метаксу» смаковал, он вообще собрался изобразить из себя мужика, пьянеющего от наперстка. Во-первых, пить на задании майор считал неосмотрительным; во-вторых, мигом окосевший интеллигент позволит покровительственно солировать более крепкому собеседнику. А в-третьих, следователь не знал, как мадам Покатутас отнесется к спаиванию постояльца и к мужу как похмельному работнику назавтра. Короче, Стас коней не гнал, сидел с почти нетронутым бокалом, чем мудро притормаживал и Анастасовича.

Покатутас забросил в рот большую, почти черную черешню, гость, воспользовавшись паузой, заинтересованно покрутил головой:

– Хорошо тут у вас. Тишина, покой... Наверное, люди потом сюда возвращаются, да?

– А как же, – самодовольно улыбнулся грек. – Кто один раз отведал нашего гостеприимства, другого уже не ищет.

– Я тоже, не исключено, стану вашим завсегдатаем... Мне повезло забронировать номер в день прибытия или обычно это легко сделать?

– Ну, пока еще не самый разгар сезона, но если надумаете приехать в июле или августе, то лучше сделать бронь заранее.

– А ваши частые постояльцы на особом счету, и, если приезжают словно снег на голову, вы все равно их поселите? Я, знаете ли, не всегда в точности знаю, сумею ли вырваться с работы.

Майор аккуратно подвел разговор к вопросу о недавно прибывших: когда питерцы и воронежцы зарезервировали номера, кто из них бывал здесь раньше? Ответ словоохотливого грека оставил братьев Антоновых и Сергея Панкрата в подозреваемых. Последний действительно свалился снегом на макушку Покатутасов: Сергей позвонил за сутки, уверенный, что в конце июня номер здесь найдется. С Антоновыми вышло несколько сложнее: уже несколько лет подряд Борис устраивал для брата-студизуса поощрительный выезд на море, и их приезд зависел от того, как успешно тот сдаст сессию. Борис бронировал единственный в «Элладе» двухкомнатный номер на первом этаже с индивидуальным выходом, но по старому знакомству с Покатутасами делал крохотную предоплату и предупреждал, что приезд может и не состояться. Если брат экзамены завалит.

– Взятка в виде курорта – разумный подход, – окуная губу в коньяк, одобрил Гущин. – И как? Олег всегда экзамены сдает успешно или иногда пролетает над «Элладой» как фанера?

– Ни разу не было, – разудыбался грек, наполняя свой бокал. – Старается, вы ж понимаете, для молодого человека...

Рука Покатутаса с бутылкой зависла над столом, улыбка завяла, а мгновенно сделавшийся злым взгляд сосредоточился на площадке у ворот. Стас посмотрел туда же: от калитки, вихляющей нетрезвой походкой, шел молодой смуглый мужчина в расстегнутой мятой рубашке и не менее пожеванных шортах. Заметив сидящего на террасе Анастасовича, брютнет затормозил. Поприветствовал грека язвительным поклоном и направился к нему. Дойдя до столика, протянул раскрытую ладонь.

– Я пустой, – сказал. – Денег заплатить за такси дашь бедному родственнику?

В голосе смазливового горбоносого парня звучала насмешка, демонстрируя пустые карманы, он, пошатываясь, вывернул их наружу.

– Иди к своей тете. – Георгий Анастасович досадливо скривился: – Сандро, я же тебя просил не появляться здесь в таком виде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.